

Стихотворения Кольцова
(Москва, 1835)

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. I
Статьи и рецензии. 1834-1841
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Под общей редакцией Ф. М. Головешченко
Редакция С. П. Бычкова
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Дар творчества дается немногим избранным любимцам природы, и дается им не в равной степени. У одних степень его силы зависит решительно от одной природы; у других она зависит сколько от природы, столько и от внешних обстоятельств. Есть художники, произведениям которых обстоятельства их жизни могут сообщить тот или другой характер, но на творческий талант которых они не имеют никакого влияния: это художники-гении. Отличительный признак их гениальности состоит в том, что они властвуют обстоятельствами и всегда сидят глубже и дальше черты, отчерченной им судьбою, и, под общими внешними формами, свойственными их веку и их народу, проявляют идеи, общие всем векам и всем народам. Шекспир и при дворе Лудвига XIV остался бы Шекспиром; его гения не задушил бы заразительный воздух двора этого блистательного, но отнюдь не великого, короля Франции; его гениального взгляда на жизнь – этой природной философии не убило бы мишурное величие _золотого_ века французской словесности; его могущественных порывов не оковали бы схоластические понятия об изящном. Но Расин и при дворе Елизаветы был бы придворным поэтом, перелагал бы дворские сплетни в трагедии и писал бы по той мерке, которую давали бы ему люди, общественное мнение, приличие или вкус королевы и лордов. Творения гениев вечны, как природа, потому что основаны на законах творчества, которые вечны и незыблемы, как законы природы, и которых кодекс скрыт во глубине творческой души; а не на преходящих и условных понятиях об искусстве того или другого народа, той или другой эпохи; потому что в них проявляется великая идея человека и человечества, всегда понятная, всегда доступная нашему человеческому чувству, а не идеи двора или общества в то или другое время, у того или другого народа. Гений есть торжественнейшее и могущественнейшее проявление сознающей себя природы, и потому есть явление редкое; не многие века озарялись этими роскошными солнцами, у не многих сияло на небосклоне по нескольку этих солнцев... Но ежели вся цепь создания есть не что иное, как восходящая лестница сознания бессмертного и вечного духа, живущего в природе, то и служители искусства представляют собою ту же самую лестницу, которая восходит или нисходит, смотря по тому, с начала или с конца будете вы обозревать ее. Бесконечная и всегда неразрывная цепь! Есть художники, которых вы не решитесь почитать высоким именем гениев, но которых вы поколеблетесь отнестись к талантам, которые как бы начинают собою нисходящую ступень лестницы и как бы принадлежат к этому дивному поколению духов, которыми пламенное воображение младенчествующих народов населило и леса и горы, и воды и воздух, и которых назвало сильфами и пери, и поставило их на черте между высшими небесными духами и человеком. Наконец есть еще эти художники, озаменованные большею или меньшею степенью таланта творческого, эти _люди_, на которых небо взирает, как на любимых, хотя и занимающих свое место после духов бесплотных, чад своих. Хвала и поклонение наше гению, хвала и удивление высокому таланту! – Но не откажем же хотя во внимании и этому меньшому и юнейшему сыну неба! Не равно лучезарны лучи, сияющие на их главах, но все они дети одного и того же неба, все они служители одного и того же алтаря. Пусть один будет ближе, другой дальше к алтарю – воздадим каждому почтение наше по месту, занимаемому им; но уважим всякого, кому дано свыше высокое право служения алтарю...

Я хочу сказать, что художник по призванию есть всегда предмет, достойный внимания нашего, на какой бы ступени художественного совершенства ни стоял он, как бы ни было невелико его творческое дарование. Если он точно художник, если точно природа помазала его при рождении на служение искусству, если он только не дерзкий самозванец, непосвященно и самовольно присвоивший себе право служения божеству, – то, говоря я, не пройдем мимо его с холодным невниманием, но остановимся перед ним и посмотрим на него испытующим взором: может быть, на его челе подглядим мы печать высокой думы, которая не для всех заметна; может быть, в его очах мы уловим этот луч